



Сканировал Мишин Николай



J. P. Johnson.

В ЛЮДЯХ

Диафильм в 2 частях
Составлен по одноимённому кинофильму

ЧАСТЬ 1

Производство фабрики „Диафильм“
1952 г.

Д-45-52

Сценарий И. Груздева по произведениям
М. Горького

Постановка режиссёра М. Донского

Оператор П. Ермолов

В роли Алексея Пешкова – Алёша Лярский

„И если, в конце концов, я всё-таки лягу в землю изуродованным, то – не без гордости – скажу в свой последний час, что добрые люди лет сорок серьёзно заботились исказить душу мою, но упрямый труд их не весьма удачен“.

М. Горький.



В Нижнем-Новгороде, в семье родственника чертёжника Василия Сергеева жил „в людях“ Алексей.



Мать Сергеева, Матрёна Ивановна, шумная, неукротимо-гневная старуха, вставала в шесть часов утра, становилась на колени перед образом и долго жаловалась на всех богу.



– Алексей, бес проклятый! – прервав свои жалобы богу, шипела старуха. – Самовар ставь, печь истопи, посуду чтобы всю перемыл!



Алексей исполнял обязанности горничной, мыл полы, колол дрова, топил печи, чистил овощи, ходил на базар и в лавочку.

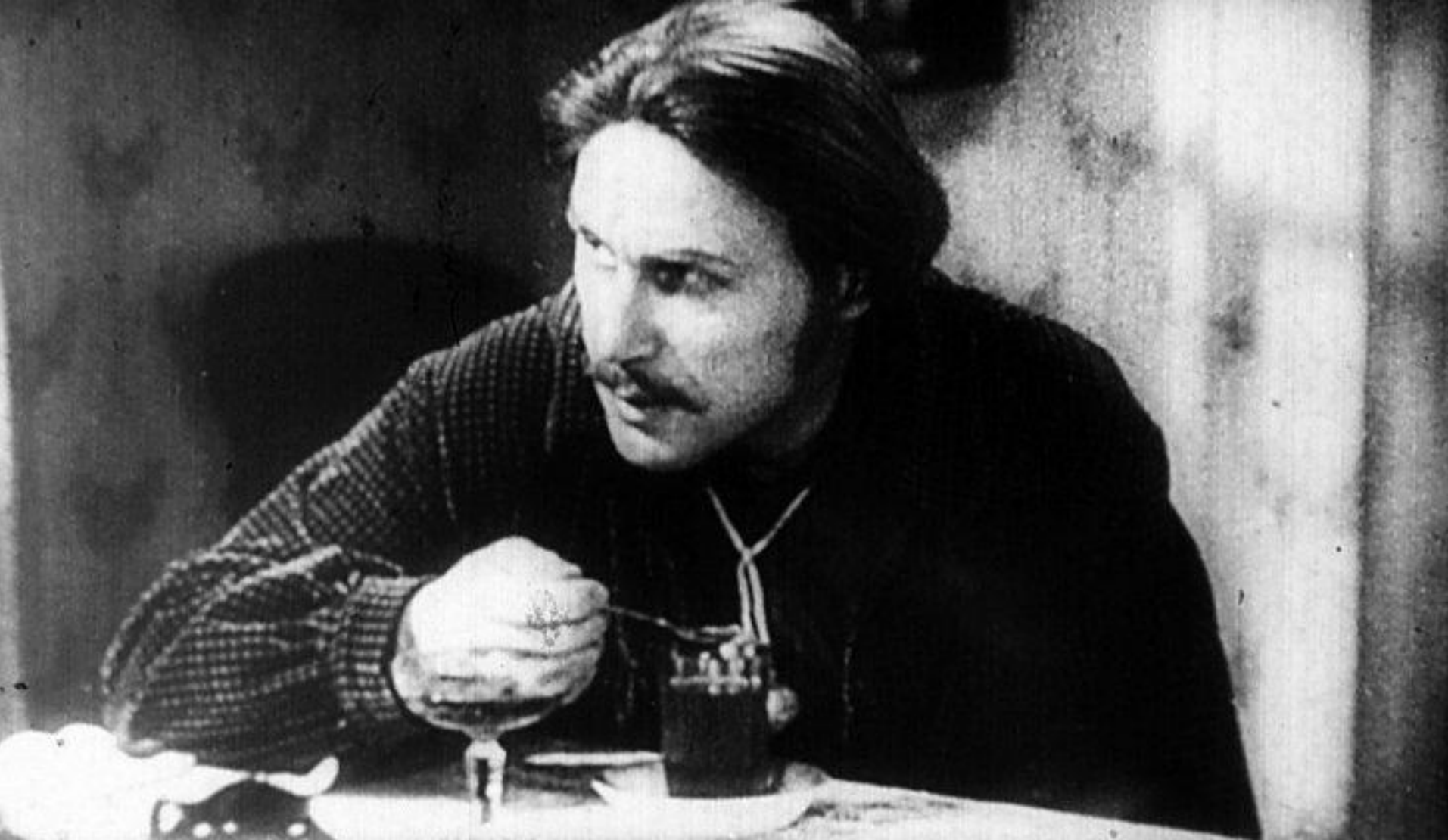


Жена Сергеева часто укоряла Алексея: — Ты должен помнить, что взят из нищей семьи...

Дом Сергеевых был наполнен туманом оупляющей скуки. С утра – ругань, ссоры. Пили и ели много, говорили только о кушаниях или сплетничали о соседях. Эти люди вызывали в Алексее лютую тоску и досаду.



Когда Алексей приносил хлеб, Матрёна Ивановна подозрительно осматривала его и спрашивала: — А привеска не было? Ну-ка, открой рот!



Женщины то и дело жаловались на Алексея хозяину, и однажды он строго сказал: – Видишь, чёртушка, какой шум из-за тебя? Вот отправлю тебя к дедушке, и будешь снова тряпичником.



Не стерпев обиды, Алексей ответил: — Тряпичником-то лучше жить, чем у вас! Взяли в учение, а чему учите? Помои выносить!



Хозяин взял Алексея за волосы, без боли, осторожно, и, заглядывая в глаза ему, сказал удивлённо: — Однако, ты ёрш.



Через день Сергеев дал Алексею чертёж, карандаш, угольник и циркуль: — Смеряй все линии и нанеси их на бумагу. Будешь чертить это, пока не добьёшься толку.



Алексей обрадовался началу учения. Но подошла старуха хозяйка и зловеще спросила: — Чертить хочешь?



Она схватила Алексея за волосы, ткнула его лицом в стол и победоносно закричала:— На, черти!— На этом и закончилось обучение Алексея.



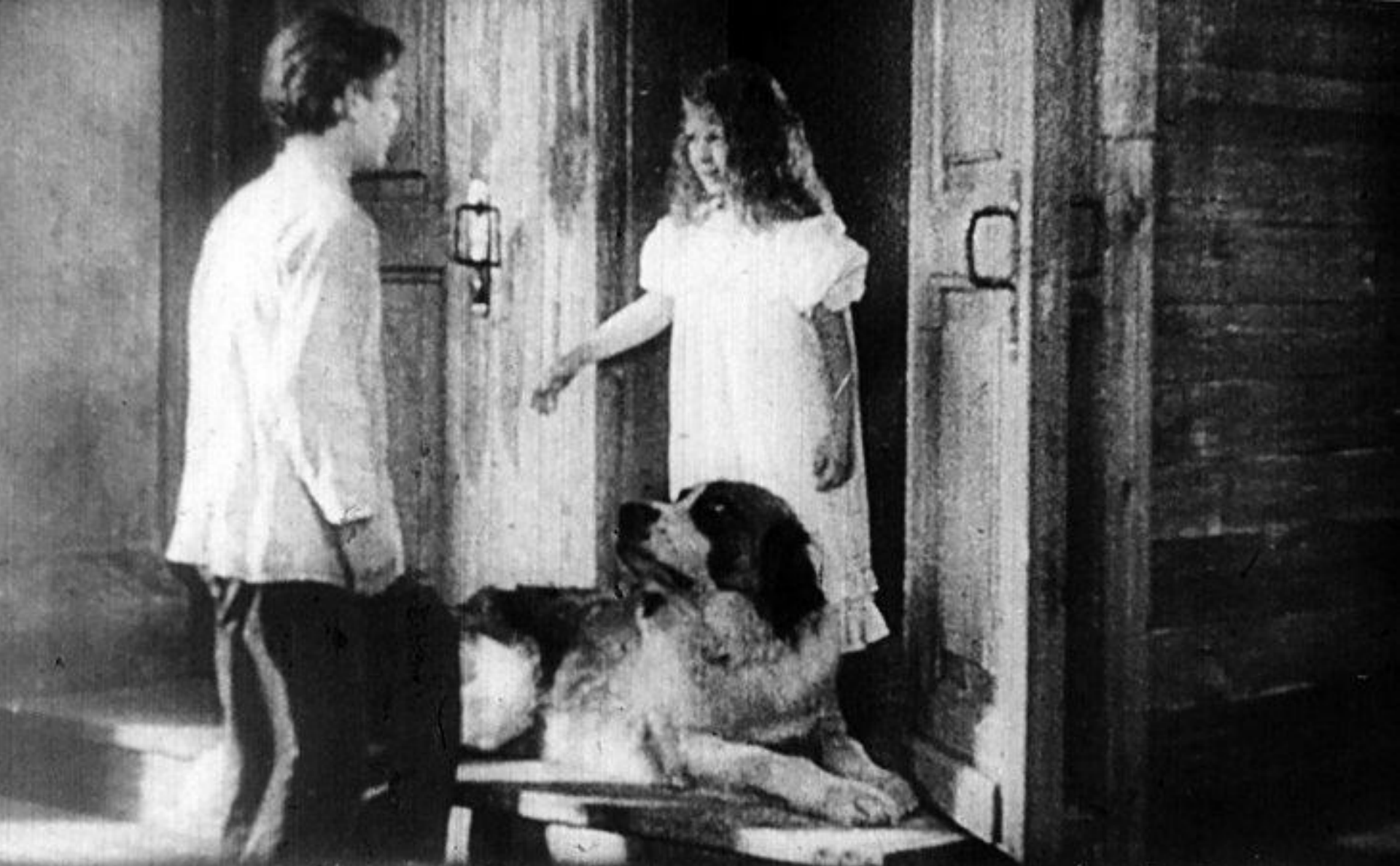
Иногда, в свободные минуты, Алексей сочинял.
Слова сами собой слагались в жалобы:
„Был бы я собакой – А теперь орёт на меня всякой:
Бегал бы где хотел, Сиди да молчи, пострел, пока цел”.



Прачка Наталья говорила Алексею: – Самая пора учиться тебе. Вот я – прачка, а дочку свою в гимназию отдала...



... Чем больше науки, тем сильнее руки. —
Алексей внимательно слушал складную, уверен-
ную речь Натальи.



В том же доме жила кудрявая девочка. Алёша часто по вечерам выходил играть с нею, и она привыкла к нему.



Однажды, когда Алексей сидел с девочкой, подошла её мать – красивая молодая дама.



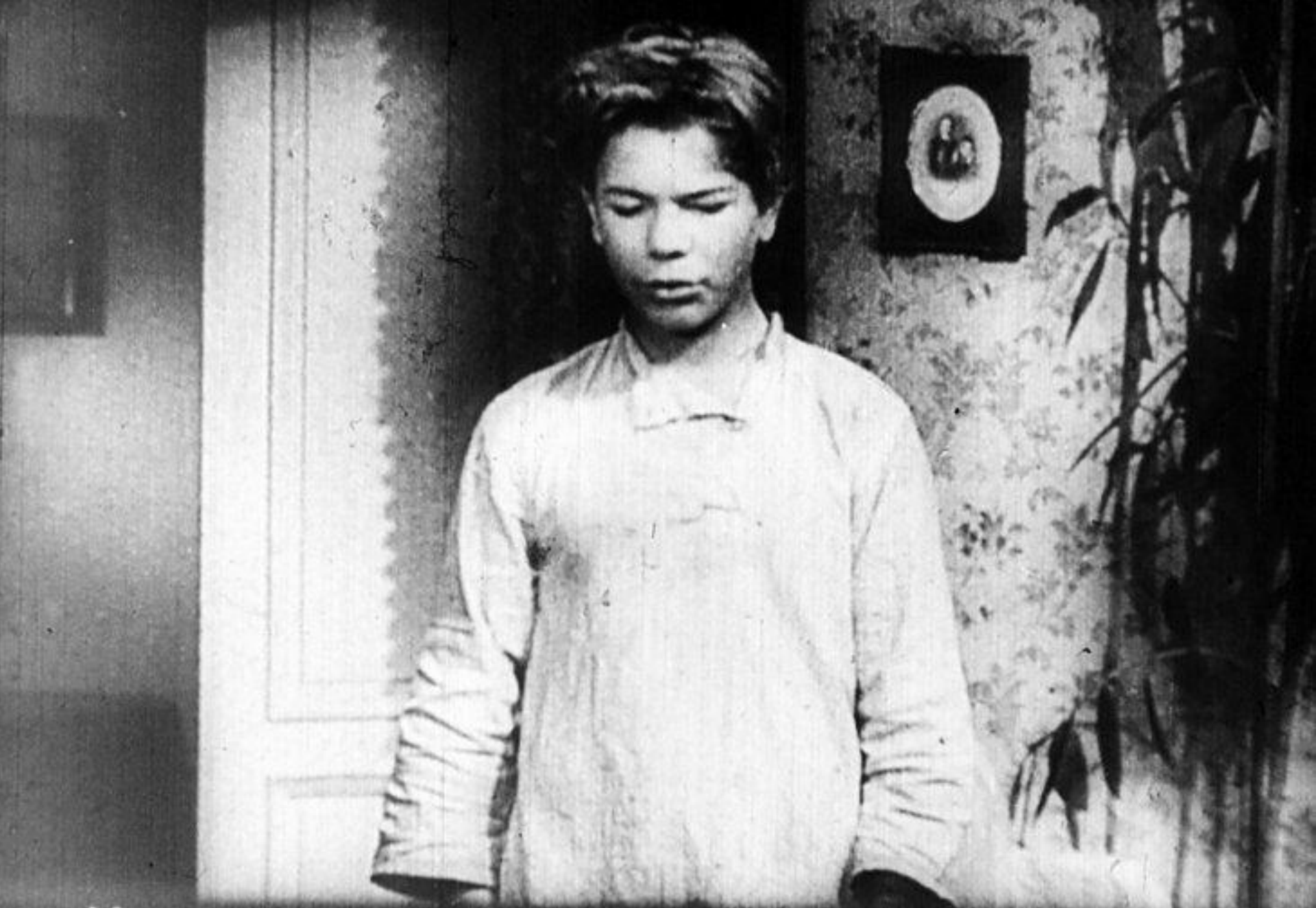
– Что это она – спит?.. Дай мне её! – сказала дама и ушла с девочкой.



Алексей начал колоть дрова, но прибежала горничная: – Иди скорее, – наша девочка спать не ложится, хочет проститься с тобой.



Когда девочка попрощалась и её унесли в детскую, дама спросила Алексея: — Что же тебе подарить?



– Ничего не надо дарить, дайте мне книгу почитать.



– Хорошо, я стану давать тебе книги.



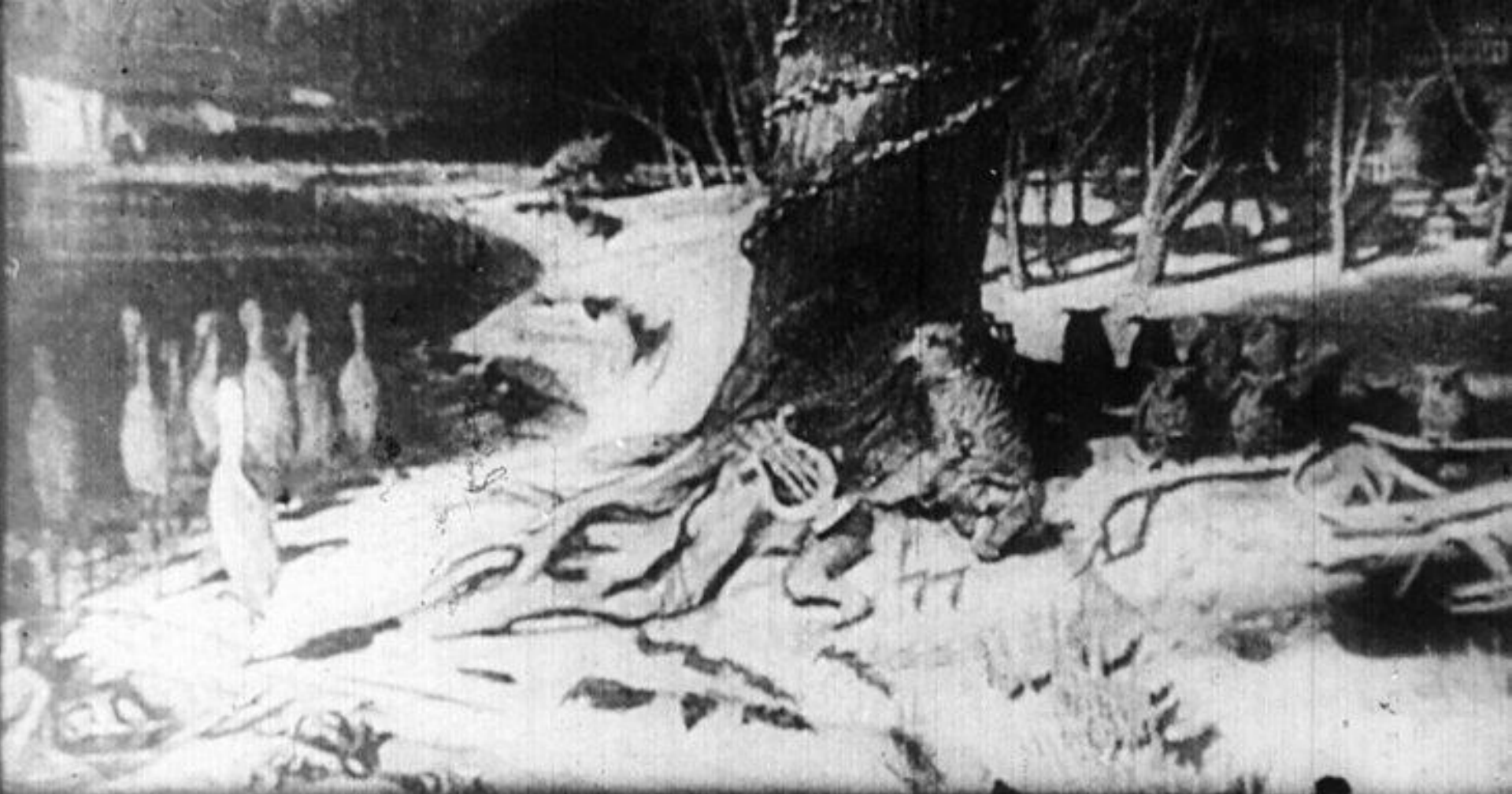
Ночами, украдкой от хозяев, освещая книгу отражённым лунным светом, читал Алексей книги, которые давала ему „Королева Марго“ – так называл он мать девочки.



Однажды Королева Марго сказала Алексею:
– Тебе учиться надо, и читать тебе нужно русские
книги, нужно знать свою, русскую жизнь... – и да-
ла ему томик поэм Пушкина.



Алёша прочитал их сразу, охваченный тем жадным чувством, которое испытываешь, попадая в невиданное красивое место.



Пушкин поразил его простотой и музыкой стиха. Алексей мысленно повторял чудесные строки и видел:

„У лукоморья дуб зелёный,
Златая цепь на дубе том...“



Полнозвучные строки звучали для Алексея как благовест новой жизни, делали его счастливым.



Изредка проведать Алексея приходила бабушка. Она тихонько садилась в углу на табуретку и молчала, как виноватая.



Матрёна Ивановна ворчала на бабушку: – Ноги оботри, деревня еловая, на болоте строена...



Как-то Алексей с бабушкой вышли во двор, и он сказал ей с болью в душе: — Зачем ты ходишь сюда? Ведь ты видишь, какие они.



...Ты бы, голуба-душа, пожил бы, потерпел, пока окрепнешь, а?

— Не буду я терпеть! — горячо сказал Алексей.



Вечером, идя по улице, Алексей услышал доносившиеся из окна стихи. Он подошёл ближе.



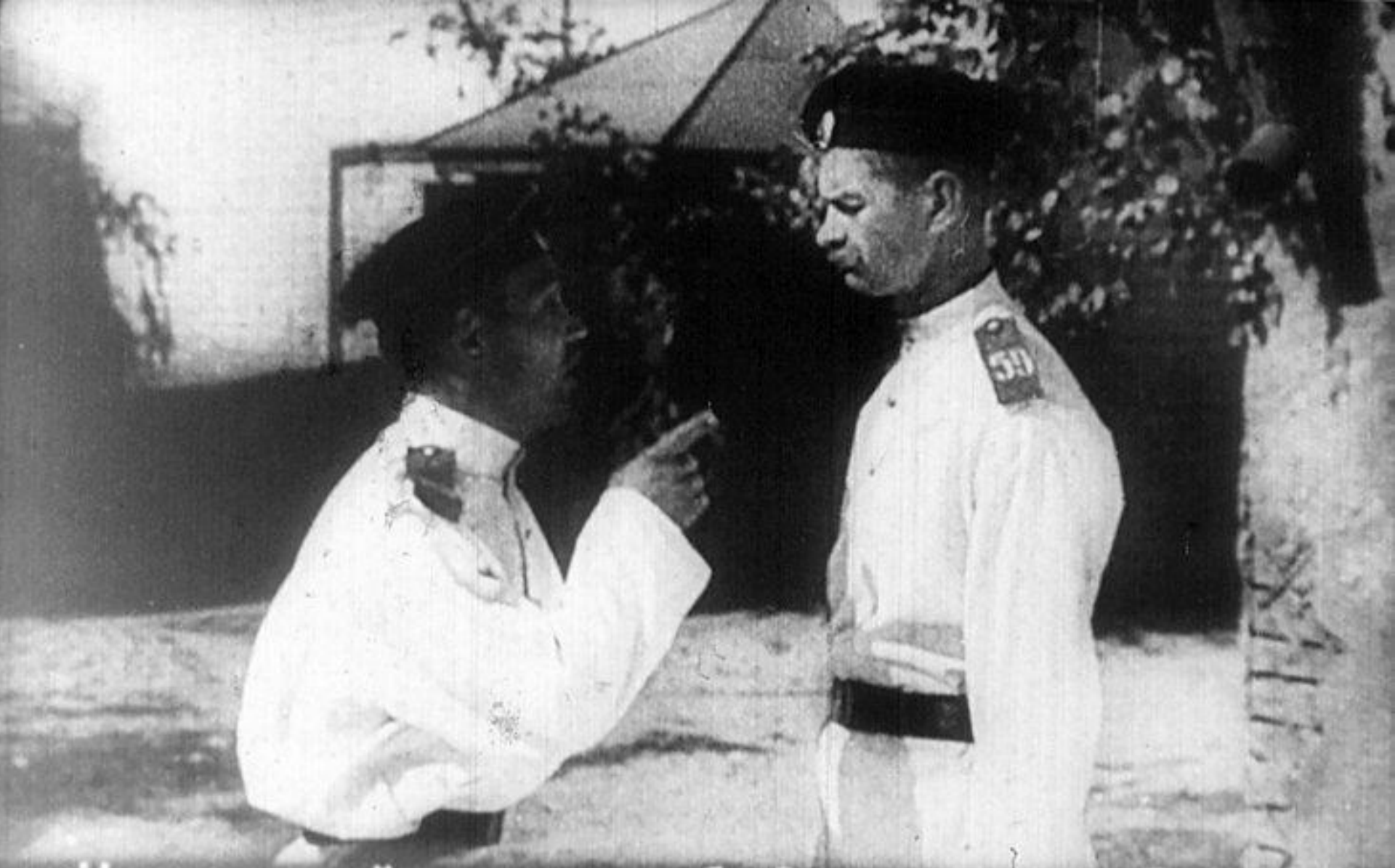
**В комнате кто-то взволнованно читал:
„Мы ждём с томленьем упования
Минуты вольности святой...“**



**Долго стоял он под проливным дождём,
слушая стихи.**



Был праздник троицы Алексей сидел во дворе и смеялся, наблюдая, как пьяные денщики спорили между собой.



– Кто главный – царь или бог? – спрашивал Сидоров.
– Царь, – отвечал Ермохин.
– Нет, бог.



Ермохин размахнулся и ударил Сидорова.



**Сидоров без памяти упал. Собрались люди, пришла прачка Наталья, сердито растолкала их:
— Дураки—он жив! Воды давайте...**



Алексей принёс ведро воды. Наталья приказывала: – Лей на голову!



Придя в себя, Сидоров закричал: — Кошелёк украли! Рубль тридцать...
Ермохин сказал, указывая на Алексея: — Он украл! Он возле тебя, пьяного, был.



Алексея схватили. – Не крал я, не крал, – возмущённо кричал он.



Матрёна Ивановна, высунувшись из окна, говорила: — Вот они, книги-то, воровству и распутству учат!



В это время Наталья нашла у пьяного Сидорова кошелёк. – Вот он, кошелёк-то! – кричала она на весь двор. – А мальчишку ославили, избили!



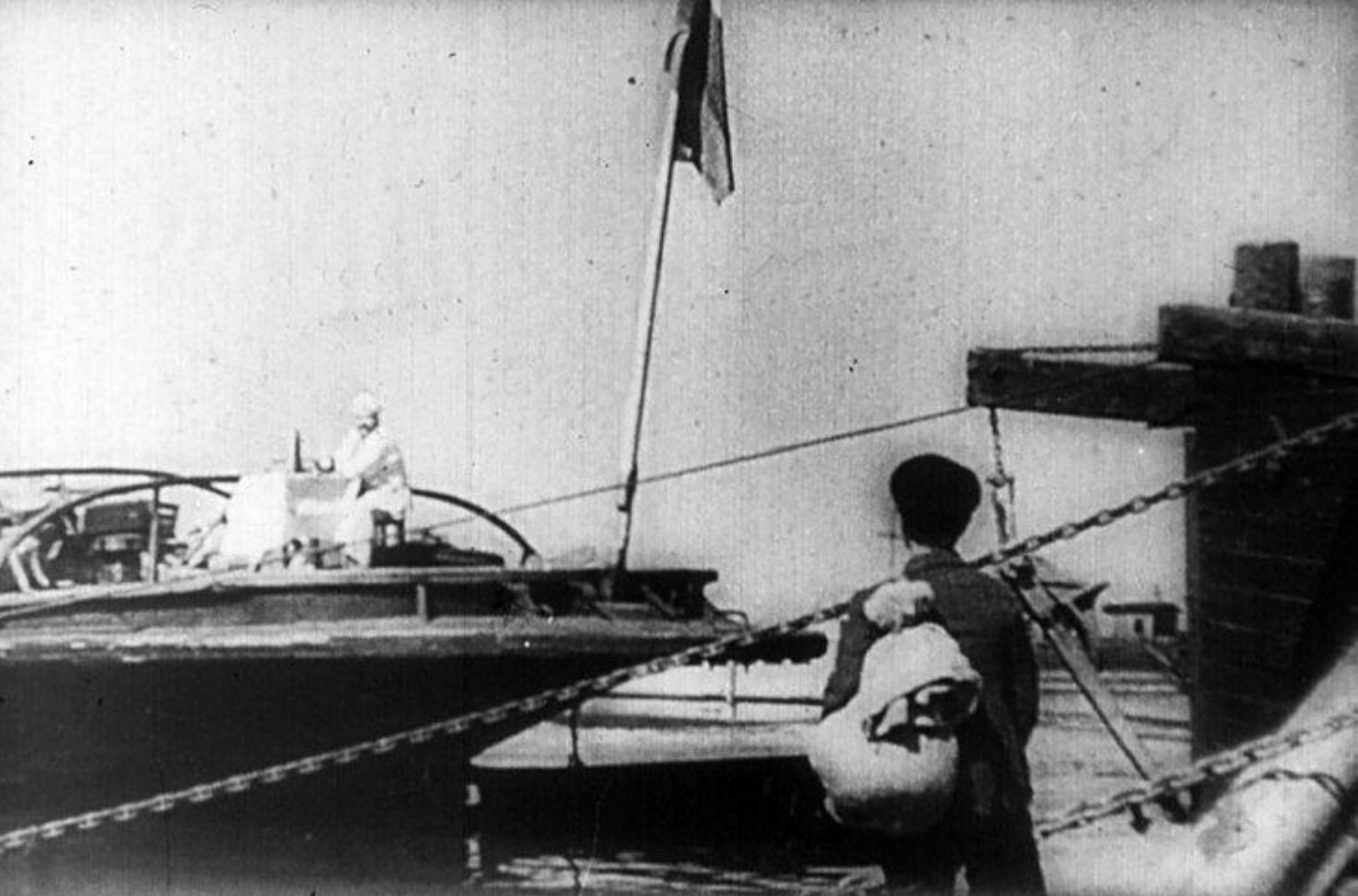
Сердце Алёши больно жгла обида. На другой день он ушёл от Сергеевых.



Три дня провёл Алексей на набережной.



Один из крючников, около которых он питался, посоветовал: – Ты, мальчишка, зря треплешься тут. Иди-ко на „Добрый“, там посудника надо.



На корме парохода „Добрый“ Алексей увидел повара в белой куртке.



– Кто ты такой? – зычно закричал повар.
– Я хочу есть, – сказал Алексей.



–Иди сюда, – позвал повар и, когда Алексей поднялся на палубу, подвинул ему булку и колбасу: – На... лопай, лопай, кутёнок!

Так Алексей Пешков стал посудником на пароходе „Добрый“.

Конец 1-й части